

The article is devoted to analysis and description of German new vocabulary of the thematic group «EDUCATION». It considers the main semantic subgroups of this vocabulary and analyses its derivational structure.

Key words: thematic group, semantic classification, derivational structure.

Об авторе:

РАЗОВА Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Вологодского государственного университета, *e-mail*: rev28@rambler.ru

УДК 811.112.2'38

ГЕРМЕНЕВТИКА ГРАММАТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ

Л.В. Самуйлова, Е.С. Ланцова

Тверской государственный университет, Тверь

Феномен «грамматическая метафора» рассматривается в терминологическом и понятийном аспектах. Описываются механизм грамматической метафоризации, типы контраста, виды грамматической метафоры.

Ключевые слова: *грамматическая метафора, аллеотета, механизм метафоризации, контекст, контраст.*

«Metaphern, Mann.»

«Was ist das?»

Der Dichter legte dem Jungen eine Hand auf die Schulter. «Um es dir ungefähr klarzumachen: das ist eine Art, etwas auszudrücken, indem man es mit etwas anderem vergleicht.»

«Zum Beispiel?»

Neruda sah seufzend auf die Uhr. «Also gut, wenn du sagst 'der Himmel weint', was willst du dann damit sagen?»

Ist doch klar! Dass es regnet natürlich.»

«Na also, das ist eine Metapher.»

(A. Skármeta, цит. по: [Deutscher 2005: 134])

Изначально под метафорой подразумевали любое понятие, суждение или высказывание, значение которого не может быть однозначно определено. Такое толкование отсылает, как известно, к Аристотелю, который писал в «Поэтике», что метафора представляет собою перенесение имени с объекта, обозначенного этим именем, на некоторый другой объект (см. об этом: [Уилрайт 1990]).

В настоящее время под термин «метафора» подводятся, в первую очередь, языковые и речевые феномены лексического фонда языка. Экспрессивный потенциал грамматики часто остаётся без должного

внимания. Подобное пренебрежение можно объяснить тем, что, как правило, потенциальная метафоричность грамматических категорий не осознаётся в обыденном словоупотреблении [Приходько 2010: 21]. Однако ещё Р. Якобсон в статье «Поэзия грамматики и грамматика поэзии» указывал на стилистические возможности грамматики:

«Становилось всё ясней: в поэзии Пушкина путеводная значимость морфологической и синтаксической ткани сплетается и соперничает с художественной ролью словесных тропов, нередко овладевая стихами и превращаясь в главного, даже единственного носителя их сокровенной символики» [Якобсон 1983: 462].

Авторство термина «грамматическая метафора» приписывается Э. Оксаар. Для Э. Оксаар «грамматическая метафора» – это морфема (или сочетание морфем) в чуждой функции (см. об этом: [Тошович 2006: 64]). В отечественной лингвистике этот термин стал известен во многом благодаря работам Е.И. Шендельс, раскрывшей механизм грамматической метафоризации следующим образом:

Die grammatische Metapher entsteht aufgrund der Übertragung (Transposition) einer Wortform aus ihrem eigentlichen Funktionsbereich (der typischen Umgebung) in einen fremden Funktionsbereich zu stilistischen Zwecken. Der eigentliche Funktionsbereich setzt sich aus mehreren Faktoren zusammen: aus typischen grammatischen und semantischen Beziehungen der Form zu ihren Nachbarformen, der Gebundenheit an bestimmte Lexik und der Angemessenheit ihrer Verwendung in einer bestimmten Situation. Die Verletzung eines Faktors hat die Übertragung zur Folge. Bei der Transposition werden die Unterscheidungsmerkmale der Oppositionsglieder neutralisiert, so dass gerade gemeinsame Merkmale als *tertium comparationis* dienen, während die Unterscheidungsmerkmale den Effekt der übertragenen Bedeutung bewirken. Die Übertragung erfolgt nur im Kontext oder in einer unzweideutigen Sprechsituation, wo Nebenbedeutungen einer Wortform entstehen (цит. по: [Riesel Schendels 1975: 225]).

Цитата делает очевидным факт участия в композиционной «игре» не грамматических категорий, а категориальных форм (временных, числовых, падежных и др.). Именно в переносе и образности (преломлённой в грамматическом материале) учёные видят сходство грамматической и лексической метафор.

В современной лингвистике нередко для обозначения грамматической метафоры используется термин «аллеотета» (др. греч.: *αλλοτης* – различие, изменение). См., например, словарь лингвистических терминов Т.В. Жеребило [Жеребило 2010]:

1. Фигура речи, основанная на противопоставлении форм слова или однокоренных слов: Служить бы рад – прислуживаться тошно (А. Грибоедов).

2. Грамматическая метафора.

Принятая дефиниция термина: «стилистический приём, состоящий в употреблении какой-либо грамматической формы (формы числа, лица, времени, вида, залога, наклонения) не в своём прямом (собственном) значении» [Хазагеров 2011: 254]. Такое контрастное (обыденному, регулярному, нормативному) функционирование выделяет грамматическую форму на фоне других в контекстном поле и позволяет говорить о её особой маркированности, стилистической отмеченности. При этом две составляющие – контекст и контраст – являются ключевыми для понимания механизма возникновения грамматической метафоричности. Ср. [Riffaterre: 61]:

Der Stil besteht nicht aus einer Folge von Figuren, Tropen, Verfahren er ist keine kontinuierliche Hervorhebung. Was die stilistische Struktur eines Textes ausmacht, ist eine Folge markierter Elemente, die mit nicht markierten Elementen kontrastieren, Dynaden, binäre Gruppen, deren Pole (Kontext, Kontrast in Bezug auf diesen Kontext) untrennbar sind, unabhängig voneinander nicht existieren (jedes stilistische Faktum besteht also aus einem Kontext und einem Kontrast).

А.М. Пешковский [Пешковский 1956: 208] прибегает к образному сравнению при описании экспрессивности грамматической метафоры. Грамматическая форма, по выражению А.М. Пешковского, «выступает в своём основном значении особенно ярко, и яркость эта создаётся как раз противоречием между ней и реальными условиями речи, подобно тому, как смех на похоронах или плач на балу всегда будут восприняты резче, чем при других обстоятельствах».

Неоднородность описываемого языкового феномена вызвала необходимость упорядочения его типов, описания условий осуществления транспозиционных преобразований, а также базовых видов контраста.

Контраст между парадигматическим значением глагольной формы и контекстом может иметь темпоральный характер. Метафоры, базирующиеся на этом типе контраста, являются чисто грамматическими. Глагольная форма транспонируется в сферу влияния другой с оппозиционным временным значением. В результате возникает целый комплекс функциональных вариантов, известных под названиями «футуральный презенс», «исторический презенс», «исторический футурум», «эпистемический футурум» и т.п. При этом, контрастность «футурального презенса» менее интенсивна, чем контрастность грамматических метафор, созданных на основе переноса в сферу прошедшего. По аналогии с лексическим типом его справедливо будет обозначить как «стёртая грамматическая метафора» (*verblasste / verblichene / tote Metapher*). Это качество поддерживается весьма высокой частотностью футурального презенса во всех функциональных стилях современного немецкого языка. В разговорной речи, как известно, он на порядок употребительнее футурума, до появления которого (XVI-XVII вв.) это была единственная грамматическая форма, передающая

перспективу будущего [Moskalskaja 1975: 95].

Корпус языковых фактов иллюстрирует гетерогенность группы, в обозначение которой входит определение «исторический». Справедливости ради заметим, что авторы, оперирующие этим расширением, приводят и другие квалифицирующие обозначения: «эпический», «экранизирующий», «сценический», «драматический». Классическим «историческим», как представляется, следует считать такой тип повествования, который имеет вид авторского отступления. В нём рассказчик, как бы «забегая вперёд», сообщает факты, будущие для данного сюжета повествования, но прошедшие для всего произведения. Чрезвычайно нагляден часто цитируемый фрагмент из романа Г. Фаллады «Волк среди волков» (H. Fallada. «Wolf unter Wölfen») (в примерах сохранена орфография оригинала – Л.С., Е.С):

«Ja», denkt er trübe. «Ich bin so alt geworden, daß ich gerne in meinem Bett sterben möchte.»

Denkt es und geht weiter.

Er wird nicht in seinem Bette sterben (H. Fallada)

Осмысление эмпирического материала привело к следующей группировке перечисленных выше определений «исторического»: эпический / экранизирующий – сценический / драматический. Выделяем ещё один тип исторического – документальный. Из семантики определения очевиден повествовательный жанр документальных, хроникальных, автобиографических, биографических, произведений. Ср. несколько литературных фрагментов, включающих «исторический презенс» (лат. praesens historicum, нем. historisches / berichtendes Präsens) и «исторический футурум» (лат. futurum historicum, нем. ausblickendes Futurum):

«Эпический / экранизирующий презенс»:

«Er sieht von dem Schild fort. Die Rothenbaumstraße hat nur eine Häuserreihe, jenseits des Fahrdamms, jenseits eines Grünstreifens, jenseits des Kais fließt die Strela, hier schon hübsch breit, kurz vor ihrer Einmündung in die Ostsee. Ein frischer Wind weht herüber, die Büsche nicken mit ihren Zweigen, die Bäume rauschen ein wenig». (H. Fallada)

«Сценический / драматический презенс»:

Einmal, ich komme ins Wohnzimmer – auch dort, neben dem Tisch, inzwischen ein JONA-Brunnen. Freitag, auf seinen Hinterpforten, sitzt ganz brav davor und begutachtet mit offenem Maul, einigermäßen sprachlos, das maritime Schauspiel. Ich mußte lachen. (J. Sparschuh)

«Сценический / драматический футурум»:

Wir hatten nie Spielzeug, Und ich wollte mich doch bewegen. Ich wollte wenigstens `n Hopsestrick. Jetzt hatten wir eine Wäscheleine, die hatte Großvater selber gedreht. Und ich werde die in der Sonne schaukeln sehn und werde die Kinder rufen: Wisst ihr was, ihr kriegt alle von mir `n Hopsestrick. Ich wollte doch auch mal was verschenken. Gott, da hat die Mutter mich mit dem restlichen Strick dermaßen verdroschen! Und ich werde ihr entwischen und zu meinem

Vater ins Bette, und mein Vater wird die Hände über mich breiten:
Das Kind rührst du nicht an! (M. Wander)

«Документальный футурум»:

Auf der Potsdamer Konferenz der Alliierten war die endgültige Festlegung der Westgrenze Polens bis zur Friedenskonferenz zurückgestellt worden. Im Sommer 1950 wird Pommern in die Woiwodschaften Stettin, jetzt Szczecin, und Köslin, jetzt Koszalin, aufgeteilt werden; aus der Kreisstadt Dramburg wird Drawsko werden. (Ch. Brückner)

Следующий пример демонстрирует сочетание двух грамматических метафор – «документального презенса» и «документального футурума»:

Liszt, Hebbel und Wagner, noch denkt keiner an den andern. Und doch wird ihnen allen einmal die Altenburg zum Schicksal werden.
(Ju. Hecker)

Иллюстрацией другого вида грамматической метафоры могут служить футуральные формы, развивающие в контрастном контексте значение предположения по отношению к настоящему (футурум I) и прошедшему (футурум II). См. подробно о функционировании обеих форм будущего в рамках эпистемической модальности [Самуйлова 2011]. Здесь приведём в качестве примера фрагменты художественных текстов. Ср.:

«Wenn Sie mich fragen, ist der gar nicht da. Auch am Fenster hat sich niemand gezeigt.»

«Wird beim Arbeiten sein», vermutete Kliftinger. (V. Klüpfel, M. Kobr)

So hat sie es mir erzählt, so wird sie es auch dem fahnenflüchtigen Bremer erzählt haben < ... > (U. Timm)

Контраст между парадигматическим значением глагольной формы и контекстом может иметь темпорально-модальный характер. Речь идёт о транспозиции временной формы в сферу ответственности императива. Например:

императивный футурум I (imperativisches Futurum I).

«Hannes, du wirst jetzt augenblicklich das Haus verlassen», schrie sie,

«augenblicklich! Hast du mich verstanden?» (D. Glattauer)

императивный презенс (imperativisches Präsens):

«Du hältst den Mund!» sagte Holt. (D. Noll)

императивный футурум II (imperativisches Futurum II).

«Du wirst den Teig angerührt haben, ehe die anderen in der Stube erscheinen.» (E. Strittmatter)

Степень категоричности побудительного высказывания может варьироваться, о чём свидетельствует следующий литературный фрагмент:

«Werden Sie doch Lehrerin», warb Szepan. (W. Weller)

Декодирование переносных значений временных форм предпринимается с помощью компонентного (семного) анализа (см. об этом подробно: [Шендельс 1970; Moskalskaja 1975: 80-89]). «Игра» минимальных дистинктивных элементов категориального значения глагольной

формы заключается в их перераспределении (подавлении одних и актуализации других) на фоне нейтрализации соответствующих темпоральных (презенс – футурум I, презенс / футурум I – претеритум, футурум II – перфект) и модальных оппозиций (временные формы – императив).

Контраст может иметь место внутри грамматической формы. В данном случае речь идёт о контрасте между грамматической формой и её лексическим наполнением, о разбалансировке грамматических и лексических сем, которые при прямом (непереносном) употреблении формы находятся в состоянии полного соответствия друг другу. Лексико-грамматическая метафора – явление системное, базирующееся на нарушении кодифицированных норм формообразования.

Метафоричность грамматического значения отмечается в сфере категории залога. Глаголы, традиционно не образующие пассив, приобретают такую возможность. Ср. следующие литературные фрагменты (выделение подчёркиванием наше – Л.С., Е.С.):

Denn wir Menschen haben gar nicht die Ideen, sondern werden gehabt von ihnen. (R. Hochhuth)

Wer nicht will, der wird gewollt. (E. Strittmatter)

«Ich bin dreiundzwanzig Jahre alt, gesund an Geist und Körper, leistungsfähiger vielleicht als viele, und ich arbeite nicht nur nichts, ich lebe nicht einmal, sondern werde gelebt!» (L. Braun)

Частотны примеры с глаголом *gehen*:

Er stieg auf einen Stuhl, hielt die Zeitung wie eine Fahne in die Höhe und jubelte: «Mit Bismarck ist's aus! Er wird gegangen!» (J. Wassermann)

«Warum gab Ihr Vater dann diese Stellung auf?», fragte der Kommissar.

«Er gab sie nicht auf. Er ging nicht, er wurde gegangen.» (V. Klüpfel, M. Kobr)

Ср. словарную статью *gehen* [Duden Deutsches Universalwörterbuch 1989: 576]: **gegangen werden** (ugs. scherzh.; *entlassen werden*). Форма снабжена стилистической пометой «разговорное шутливое».

В сфере прилагательного отличается употребительностью сравнительная степень прилагательного *tot* (мёртвый). Например:

Wähnen, sie wärens, fühlen sich Götter,
Fühlen sich toter als Staub und Nichts (J.M. Lenz).

Wo nichts ist, freilich, hat der Kaiser sein Recht verloren. Waren ja ganz nette Sächelchen, Herr Professor, die Sie uns bei dem Fest neulich vorgegaukelt haben. Ein bißchen aus dem Handgelenk? wie? Na, immer noch besser, als der Kaulbach'sche Schund, den uns der alte Esel von – na, *de mortuis nil nisi bene*, heißt es ja wohl. Und diese ganze Sippe ist tot, toter als tot (F. Spielhagen).

Der Wind heulte über die Gräber. Toter als sonst schienen heute die Toten (J. Roth).

Es gab einmal einen Mann, der Ernst Wallau hieß. Dieser Mann ist tot. Sie waren ja eben Zeuge seiner letzten Worte. Er hatte Eltern,

die so hießen. Jetzt könnte man neben den Grabstein des Vaters den des Sohnes stellen. Wenn es wahr ist, daß Sie aus Leichen Aussagen erpressen können, ich bin toter als alle ihre Toten (A. Seghers).

Ср. также:

Der Kontakt mit Katrin wurde immer telefonischer (D. Glattauer).

«... denn für sie ist er durch sein Geständnis nicht blinder und nicht weniger blind, als sie ihn kennt» (M. Frisch).

В приводимом ниже примере превосходная степень образована от причастия перфекта глагола verlieren – verloren.

Der verlorenste aller Tage ist der, an dem man nicht gelacht hat (S. Chamfort).

Эффект переносного значения достигается и при наличии контраста между грамматической формой и экстралингвистической ситуацией. Речь идёт, например, о стилистических приёмах персонификации / деперсонификации, а также о расширении ущербной парадигмы (безличность) глаголов, обозначающих явления природы. Первые три литературных фрагмента иллюстрируют явления деперсонификации, последний демонстрирует финитное употребление безличного глагола schneien (Es schneit). Ср.:

Genaueres lässt sich nicht ermitteln, aber ein Bursch wie Terenz kommt nicht um, dazu ist er zu gering; um so Geringes kümmern sich Götter nicht (L. Feuchtwanger).

Was will dieses Nichts? (Duden. Deutsches Universalwörterbuch)

Alles lauschte aufmerksam und Kluftinger war ein wenig stolz darüber anzumerken, dass er endlich über Ergebnisse sprechen konnte (V. Klüpfel, M. Korb).

Die Akazien im Hof sind recht gewachsen, sie schneien im Sonnenschein ihr letztes Silber aufs Grün (B. von Arnim).

Возвращаясь к понятию транспозиции, заметим, что она представляет собой герменевтическую процедуру, служащую для описания (толкования) механизма возникновения стилистически маркированных значений грамматических форм, и не является рабочим механизмом языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
2. Приходько И.П. Аллеотеты: когнитивное содержание и лингвопрагматические характеристики: на материале русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / И.П.Приходько; Южный федеральный университет. – Ростов н/Д.[б.и.], 2007. – 25 с. – На правах рукоп.
3. Самуйлова Л.В. FUTURUM: практика темпографического описания (2) / Л.В. Самуйлова // Вестник ТвГУ. – Серия: Филология. – 2011. – № 4. – С. 116-125.
4. Тошович Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков / Б. Тошович. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 560 с.
5. Уилрайт Ф. Метафора и реальность. Теория метафоры / Ф. Уилрайт. – М.: АСТ, 1990. – С. 82-119.
6. Шендельс Е.И. Многозначность и синонимия в грамматике / Е.И. Шендельс. – М.: Высшая школа, 1970. – 204 с.

7. Якобсон О. Грамматика поэзии и поэзия грамматики / О. Якобсон // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 462-482.
8. Deutscher G. Du Jane, ich Goethe. Eine Geschichte der Sprache / G. Deutscher . – München: Verlag C.H. Beck o HG, 2005. – 380 S.
9. Moskalskaja O.I. Grammatik der deutschen Sprache / O.I. Moskalskaja. – Moskau: Verlag Hochschule, 1975. – 368 S.
10. Riffaterre M. Strukturelle Stilistik / M. Riffaterre. – München: Paul List Verlag KG, 1973. – 350 S.
11. Riesel E. Deutsche Stilistik / E. Riesel, E. Schendels. – Moskau: Verlag Hochschule, 1975. – 315 S.
12. ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. [Электронный ресурс]. – Назрань: Изд-во «Пилигрим», 2010. – URL: <http://lingvisticsdictionary.academic.ru/113/аллеотета> (дата обращения 26.10.2014).
13. Хазагеров Г.Г. Риторический словарь. – М.: ФЛИНТА, 2011. – 200 с.
14. Duden Deutsches Universalwörterbuch. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1989. – 1814 S.

HERMENEUTICS OF GRAMMAR METAPHOR

L.V. Samujlova, E.S. Lantsova

Tver State University, Tver

The phenomenon of grammar metaphor is considered in the terms of terminology and cognitive science. The mechanism of grammar metaphORIZATION, types of grammar metaphor and the contrast are described.

Key words: grammar metaphor, alleotheta, mechanism of metaphORIZATION, context, contrast.

Об авторах:

САМУЙЛОВА Лидия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой немецкого языка Тверского государственного университета, *e-mail:* lissam50@mail.ru.

ЛАНЦОВА Елена Сергеевна – магистрант факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета, учитель немецкого языка МОУ Тверская гимназия 10, *e-mail:* elena_lantsova@mail.ru.